

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ КОМИЧЕСКОГО В ДЕТЕКТИВАХ Б. АКУНИНА

Т.В. Сафонова

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы
e-mail: safonova76@mail.ru*

Тульский государственный педагогический университет

В данной статье рассматривается проблема языковой реализации комического в детективном дискурсе Б. Акунина. Автор статьи обращается к вопросам жанровой специфики иронического детектива, к понятиям ироническое и комическое в художественном тексте. В статье предпринимается попытка детального анализа всего языкового строя произведений Б. Акунина – от единиц фонетического до синтаксического уровня языковой системы, как потенциально способных к реализации комического. В ходе проведенного анализа выясняется, что для стиля писателя характерно в большей степени ироническое и юмористическое изображение действительности. Для реализации комического на фонетическом уровне писатель часто прибегает к пародированию фонетических особенностей речи, на уровне лексики, используя особенности семантики и стилистическую закреплённость слов, Б. Акунин допускает отступление от норм их сочетаемости, весьма продуктивным также является использование изобразительных ресурсов, окказиональной фразеологии. Среди синтаксических средств выражения комического отмечается частотность сопоставительных конструкций. Во всех случаях основной принцип в употреблении языковых единиц – нарушение общепринятого, стандартного.

Ключевые слова: *комическое, ирония, юмор, языковые средства, вербализация комического.*

Современная литература представлена разнообразными жанрами: руководствуясь исключительно собственными интересами или советами искушенной публики, читатель может увлечься захватывающим сюжетом боевика или авантюрного романа, стать участником расследования преступлений, погрузиться в увлекательный мир произведений жанра фэнтези. Вместе с тем само понятие жанра в настоящее время весьма расплывчато: «жанры коллажны, взаимопроницаемы, нецелостны, механически включают в себя элементы из разных систем, которые подчас расположены кумулятивно по отношению друг к другу» [Осьмухина 2016: 133]. Особую популярность среди таких синкретичных произведений, по мнению многих исследователей, приобрел иронический детектив [Казачкова 2015; Леонов 2013; Снигирева, Подчиненов 2013].

Собственно произведения этого жанра были знакомы читателю уже в XX веке, что связано с творчеством Г. Леру, Ш. Эксбрайя, Дж. Хейер, П. Ховарда, И. Хмелевской. Однако весьма устойчивое представление о

детективе как несерьезной литературе объясняет тот факт, что изучение данных произведений долгое время оставалось на периферии исследовательского внимания. Это определило и неоднозначность в трактовке жанра «иронический детектив», и незначительную долю исследований его языковой специфики. В современных научных изысканиях термин «иронический детектив» трактуется как «своеобразный «сплав» двух сущностей – детектива в его классическом понимании и иронии (иронического контекста), которая органично вписывается в ткань повествования в виде специфических комментариев и добавлений. При этом ироническая сторона становится решающей в поисках преступника и оказывает значительное влияние на ход всего повествования. Все детективное расследование описывается с юмором, подчас высмеивая и пародируя штампы детективного романа» [Леонов 2013: 223-224]. Комизм ситуаций и комичность героев – основной принцип построения произведений подобного плана. «Текст иронического детектива всегда предполагает установку на создание комического эффекта», что объясняет распространение в массовой литературе применительно к ироническому детективу синонимов «комедийный детектив», «озорной детектив», «нескучный детектив» [Купина 2009: 160].

Сказанное позволяет нам не ограничиваться исключительно категорией иронии, традиционно понимаемой как насмешка, сатирический прием, основанный на иносказании, а рассмотреть языковую специфику детективного дискурса в более широком аспекте комического. Восходящий еще к трудам Аристотеля данный термин до сих пор считается одним из сложных в определении. В настоящей работе остановимся на следующей его трактовке: «Комическое (от греч. *komikos* – веселый, смешной). Комическое характеризуется как результат контраста, «разлада», противостояния: безобразного и прекрасного (Аристотель), ничтожного и возвышенного (Кант), мнимо значительного и действительно истинного (Гегель). Комическое в действительности многообразно и имеет разные формы и степени противостояния высоким эстетическим идеалам. Соответственно многообразны оттенки его отражения в искусстве: юмор, ирония, сарказм, сатира, но во всех случаях – это осмеяние» [Беляев 1989: 153].

Выбор в качестве материала исследования художественного дискурса Б. Акунина не случаен: многие из произведений писателя являются яркой иллюстрацией иронического детектива в его современной и в то же время весьма оригинальной версии, а к числу ведущих приемов организации детективного повествования, необходимо отнести смеховой эффект. Цель данной работы – выявить и охарактеризовать наиболее типичные для идиостиля Б. Акунина языковые средства и приемы реализации комического.

Прежде всего следует отметить использование для вербализации смеха фонетических средств. Однако данный прием не является столь частотным в дискурсе писателя, что, по-видимому, можно объяснить спецификой письменного текста, а именно определенной сложностью в передаче всех оттенков произношения. Вместе с тем в речи отдельных героев проявляются те или иные фонетические несоответствия, вызывающие у читателя улыбку. Например, юный гений Митридат, герой романа «Внеклассное чтение», в свои шесть лет по уровню знаний во многом превосходящий и взрослых, чтобы не лишиться поддержки покровительницы, вынужден подыгрывать ей, изображая неразумного пятилетнего ребенка, что в том числе проявляется в копировании речи детей: « – Пася, – осторожно начал Митридат (это она так велела ее называть – просто «Паша», по-детскому выходило «Пася»), – а де твой дядя? В смысле, где твой муж. Но она поняла не так. <...> Ладно, попробуем в лоб. – Пася, а у тебя муз есть? Спросил и испугался. Не слишком ли для пятилетнего недоумка?» [Акунин 2017: 187]. Здесь автор акцентирует внимание на известной всем особенности речи детей – неумении произносить некоторые звуки, что компенсируется их заменой на более удобные. Комичность ситуации усиливается посредством противоречия между внутренним монологом героя и тем, какую речевую реализацию в итоге получают его размышления.

Речь иностранца, погруженного в стихию русского языка, также становится поводом для юмористического обыгрывания. В данном случае автор полагается на знакомство читателя с понятием «ломаный язык» и для воспроизведения возможных неточностей в произношении иностранца оформляет его опыт русской речи посредством букв родного для героя алфавита: «Потом развернул и сделал вид, что читает из середины <...>: «*I tomou muschkaterskomu kapitanu Korneju Fondornowu jechati wo Pskow, da w Welikij Nowgorod, da wo Twer, a izo Tweri na Moskwu ne meschkaja nigde*» [Акунин 2017: 36]. Интересно и восприятие героем-иностранцем некоторых фонетических особенностей русского произношения: «Он грозно сказал что-то, налегая на звуки *tsz, tch, tsch* – будто на гуся зацикал»; «Офицер снова зацикал и зашикал» [Акунин 2014: 36]. Ироническое замечание Б. Акунина по поводу преобладания в ряде говоров звуков [ш], [ц], [ш'] не может не вызвать у читателя отклик как соответствующий действительности факт, на самом деле способный удивить носителя другого языка.

Таким образом, в использовании Б. Акуниным фонетических средств для реализации комического отмечается стремление к выбору единиц, заведомо ярко маркированных с точки зрения передачи нюансов произношения.

В силу своей основной функции – быть средством номинации – лексические единицы получают более широкие возможности в

вербализации смеха. Необходимо отметить, что Б. Акунин использует весь потенциал лексической системы для достижения данной цели.

Характерной чертой идиостиля писателя является широкое обращение к языковой архаике, что, конечно, в первую очередь обусловлено жанровой спецификой его произведений, большинство из которых относятся к историческому детективу. При этом Б. Акунин использует архаичную лексику не только как распространенный способ стилизации, но и как средство для создания комического эффекта. В этом случае, как правило, отмечается употребление книжной архаичной единицы в неспецифичном для нее контексте. Например: *«Применив древний рецепт, гласящий, что лучшее средство от истерики – хорошая затрещина, Митрофаний влетил рыдалцу своей увесистой дланью две звонкие оплеухи, и монах сразу выть и рыдать перестал»* [Акунин 2015: 5]. Данный фрагмент служит яркой иллюстрацией того, как комичность ситуации создается посредством нестандартного сочетания устаревших, принадлежащих в большей степени поэтической речи лексем (*длань, гласящий*) и слов просторечных, нередко с оттенком иронии (*оплеуха, влетил, рыдалец, увесистая*).

Юмористическое звучание приобретают архаичные слова и при их использовании в качестве средств обозначения совершенно рядовой ситуации, например: *«Митрофаний смежил вежды, разгладил морщины на суровом челе. Уснул»* [Акунин 2014: 17].

Смысловым центром языковой шутки нередко становится стилистически окрашенная лексика. Это могут быть единицы делового стиля, например: *«Ныне отпуцаеши раба твоего», это означало, что один из отшельников допущен к Господу и на образовавшуюся вакансию тут же поступал новый избранник из числа очередников»* [Акунин 2015: 14]. Слово «*вакансия*» – свободная епископская кафедра – хотя и употреблялось изначально в сфере культа, в современной речи закрепилось в значении «*незанятое место в штате организации*» [Ожегов 2018: 111], именно это содержание лексемы актуализируется, что в том числе подчеркивается традиционными для делового стиля сочетаниями «*образовавшаяся вакансия*», «*число очередников*», но в данной ситуации отмеченные единицы применяются как средство обозначения культовых отношений: речь идет об отшельниках, проводящих свои последние дни в уединении на острове. Такое явное отступление в способе номинации, естественно, воспринимается читателем как шутка. Ср., аналогичное использование слова «*волонтер*» – «*доброволец*» [Ожегов 2018: 153]: *«Конечно, далеко не все из братии рвались к скорому восшествию в Иное Царство <...>. Однако же в волонтерах недостатка никогда не бывало, а напротив, имелась целая очередь жаждущих»* [Акунин 2015: 12].

С этой же целью нередко является употребление профессиональной лексики: *«Вот бы вас, инок Пересвет, на прямую наводку вывести да посмотреть, кто кого одолеет. Я бы, наверное, все равно на вас поставил – архимандрит, может, и поскорострельней, да у вас калибр покрупнее»* [Акунин 2015: 54]. Юмористическую оценку описываемые события приобретают за счет сочетания единиц совершенно противоположных сфер – военной (*прямая наводка, поскорострельней, калибр*) и культовой (*инок, архимандрит*).

Комический эффект при употреблении научной терминологии создается посредством нестандартного для данной лексики текстового окружения. Например: *«А Митя взглянул на осиротевший башимак, еще недавно столь нарядный и прекрасный, – слезы брызнули. Ну, проклятый cercopithecus из разряда приматов, нет такого закона, чтобы у дворянских сыновей пряжки воровать. И ринулся в погоню – тоже на четвереньках, ибо так обсервация лучше»* [Акунин 2017: 75].

Выходящее за пределы узуального объединения в рамках одного смыслового фрагмента единиц сразу нескольких стилистических пластов максимально усиливает его юмористическое звучание: *«Или вот вода. Целая рота монахов разливают здешнюю колодезную воду по бутылкам, закрывает крышками, наклеивает этикетки «Новоараратская святительная влага, благословлена высокопреподобным о. Виталием», после эту H₂O оптовым образом переправляют на материк – в Питер и особенно в богомольную Москву»* [Акунин 2017: 54]. Отметим единицы делового стиля – *«оптовым образом»*, сакрального – *«святительная влага»*, *«благословлена»*, *«богомольная»*, *«высокопреподобный»*, научную и военную терминологию – *«H₂O»*, *«рота»*.

Таким образом, в употреблении подобных единиц автор опирается на их функциональную закрепленность за определенным стилистическим контекстом. Отклонение от узуального стандарта воспринимается читателем как языковая шутка, каламбур и позволяет рассматривать все сказанное писателем в комическом свете.

Более сложный способ реализации комического основан на специфике предметно-логических связей слов. Выходя за границы узуальных возможностей лексем в их сочетаемости, автор дает понять читателю, что все сказанное им должно быть расценено как шутка. Например: *«Пелагия оглянулась на умирающую и увидела, что Марья Афанасьевна магическим образом переменилась и для гроба уже никак не годится»* [Акунин 2014: 134]. В данном примере глагол *«годится»* – ‘имеет практическую пользу для чего-либо’ – выступает в нестандартном для себя сочетании с лексемой *«для гроба»*, данное высказывание не является узуальным и не может трактоваться иначе, чем ироническое замечание.

Аналогичный способ реализации комического используется автором и в следующем фрагменте: *«А в Арарате для удобства паломников*

выстроено чудо чудное, диво дивное, называется «Автоматы со святой водой». Стоит деревянный павильон, и в нем хитроумные машины... Опускает человек в прорезь пятак, монета падает на клапан, заслонка открывается, и наливается в кружку священная влага» [Акунин 2017: 55]. И если автоматы с водой воспринимаются как явление вполне традиционное, то выражение «автоматы со святой водой» выходит не только за рамки лингвистического стереотипа, но и культурного кода.

Не менее продуктивным является использование в юмористическом значении эмоционально-оценочной лексики. Например: *«Породу он назвал «белый русский бульдог». От обычного отличается мастью – белый весь, как молоко, особой приплюснутостью профиля <...> и еще какой-то невиданной брдастостью – это когда брыли свисают. Главная же особенность, в которой вся изюминка, – чтоб при общей белизне правое ухо было коричневым <...>. Ах да, забыл, еще они должны чрезвычайной слюнявостью обладать <...>. В общем, уродище, каких поискать» [Акунин 2014: 26]. Фрагмент строится на смысловом контрасте между лексемами, используемыми в качестве номинации породных достоинств собаки (это нейтральные или с положительной оценкой единицы: *белый, белизна, масть, профиль, коричневое ухо, изюминка*) и словом «уродище» – ‘некрасивый до безобразия’ [Ожегов 2018: 1231], служащим здесь номинативом-обобщением перечисленных качеств. Таким способом все породные достоинства нивелируются и переходят уже, скорее, в разряд недостатков.*

В целях создания комического эффекта используются автором и разнообразные выразительные средства лексики. Среди наиболее частотных тропов можно отметить метафору: *«По несколько раз на дню, в самых неожиданных местах, встречаешь повелителя всей этой муравьиной рати архимуравья Виталия Второго» (о монахах и отце Виталии) [Акунин 2015: 53]; гиперболу: «То вдруг один за другим такие ураганы задуют – колокольни к земле гнет» [Акунин 2015: 4]; метонимию: «Давно известно, что чем удаленней от столицы, тем ближе к Богу. А столица, она и за тысячу верст дотянется, если взбредет ей, высоко сидящей и далеко глядящей, в голову такая фантазия» [Акунин 2014: 12]; перифразу: «Познакомьтесь, господа. Перед вами новоявленный Видок в рясе. Она-то меня и спасет...» [Акунин 2014: 77]; «Вскоре после неудачного наступления на твердыню веры последовал набег на опору правосудия» [Акунин 2014: 60].*

Весьма продуктивным материалом для реализации комического эффекта в детективном дискурсе Б. Акунина является фразеология. На страницах своих произведений писатель прибегает к различным способам каламбурного обыгрывания устойчивых единиц. Рассмотрим ряд примеров.

«– В старину сказали бы: в юницу вселился бес, – грустно заключил Митрофаній. Обиженный Сытников пробурчал: – У нас, в купечестве, посекали бы розгами, бес в два счета бы и выселился» [Акунин 2014: 149]. Ироническая оценка происходящего основана на противопоставлении узуального выражения «бес вселился» и окказионального «бес в два счета бы и выселился», образованного в результате антонимической замены вселился – выселился и контаминации с фразеологизмом в два счета.

«У Серафима Викентьевича Ногачевского имелась одна слабость, известная всему городу, – болезненное сластолюбие. <...> Вот в эту-то пятау наш юный Парис его и поразил» [Акунин 2015: 34]. Авторский оборот «поразить в эту-то пятау» в значении 'нанести удар в слабое место' возможен благодаря семантике лексемы «пята» – 'слабое, уязвимое место', получившей данное значение в составе фразеологизма ахиллесова пята. Лексическая мена компонентов эта-та – пята позволяет обороту приобрести иронический оттенок.

«На обложке покетбука был изображен медальон в виде сердечка, в медальоне полуобнаженная красавица <...>, внизу заголовок – «Запретный плод». <...> По виду на разбивательницу сердец никак не похожа, но раз интересуется неразрешенными фруктами» [Акунин 2017: 258]. В данном примере в основе окказионального выражения «неразрешенный фрукт» лежат синонимические связи с компонентами узуальной фразеологической единицы запретный плод сладок. Использование отмеченных оборотов в пределах общего смыслового фрагмента и применительно к одной и той же ситуации способствует не только узнаваемости смысла окказионализма, но и его однозначно иронической интерпретации.

Среди грамматических средств актуализации комического отметим широкое использование автором сравнительных конструкций. Юмористическое сравнение у Б. Акунина всегда значительно шире общеязыковых логических соответствий, лингвокультурных стереотипов и устойчивого набора культурно-обусловленных ассоциаций, например: «На Святую Пасху сестра поднесла архиерею белый шарфик с буквами ХВ, скособоченными так, будто они уже успели изрядно разговеться» [Акунин 2014: 21]; «Вдова? – медленно переспросил барин и особенным образом улыбнулся: будто Полина Андреевна лежала перед ним на блюде, разукрашенная петрушкой и сельдереем» [Акунин 2015: 200] и др.

Противоречие, лежащее в основе антитезы, также становится способом реализации шутки: «И вечно с ней не так – не монахиня, а недоразумение конопатое» [Акунин 2014: 19]; «По молодости лет Митрофаній придерживался аскетических воззрений. Ходил в рясе из мешковины, истоцал плоть беспрестанным пощением <...>. Войдя в возраст и достигнув мудрости, стал он к своей и чужой плоти

снисходительней, в повседневном одеянии отдавал предпочтение подрясникам тонкого сукна...» [Акунин 2014: 10].

Иронический смысл отдельных слов нередко уточняется посредством рядов однородных членов, присоединительных и вставочных конструкций, например: «Хорошо бы мы с тобой смотрелись, стал описывать преосвященный. Несемся сломя голову по Большой Дворянской: рясы подобрали, ногами сверкаем <...>. Народ смотрит, крестится, а нам хоть бы что – добежали до реки, бултых с обрыва – и саженками, саженками» [Акунин 2015: 179]; «Голоса на сей раз я не услышал, потому что мой киник – он как раз собирался отправить в рот шоколадную бонбошку – заорал диким голосом и с неожиданным проворством бросился бежать» [Акунин 2015: 67].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что комическое для Б. Акунина является ведущим принципом организации детективного повествования. При этом писатель редко прибегает к сатире, чаще он ограничивается ироническими замечаниями или юмористической характеристикой событий, явлений, героев. Для реализации комического автор задействует потенциал всей языковой системы – от ее минимальных единиц (фонем) до сложных синтаксических конструкций. Всякий раз в основе языковой шутки лежит отклонение от традиционного узуального употребления единиц, выход за рамки стереотипа.

Библиографический список

- Акунин Б. Внеклассное чтение. М.: Издательство АСТ, 2017. 576 с.
- Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. М.: АСТ, 2014. 319 с.
- Акунин Б. Пелагия и черный монах. М.: АСТ, 2015. 416 с.
- Беляев А.А. Эстетика: словарь. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
- Казачкова А.В. Жанровая стратегия детективных романов Бориса Акунина 1990 – начала 2000-х гг: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://cheloveknauka.com/zhanrovaya-strategiya-detektivnyh-romanov-borisa-akunina-1990-nachala-2000-h-gg#ixzz72MdRXQhA> (дата обращения 25.06.21).
- Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня. М.: Флинта: Наука, 2009. 424 с.
- Леонов В.А. Иронический детектив как особое дискурсивное пространство // *Magister Dixit*. 2013. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironicheskiy-detektiv-kak-osoboe-diskursivnoe-prostranstvo> (дата обращения: 09.01.2022).
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2018. 1360 с.

Осьмухина О.Ю. Специфика авторской стратегии Бориса Акунина: жанровый аспект // История русского литературного процесса XI-XX вв. и закономерности его развития на современном этапе. Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2016. С. 133-139.

Снигирева Т. А., Подчинёнов А. В. Исторический роман: версия Б. Акунина // Пушкинские чтения. 2013. №XVIII. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-roman-versiya-b-akunina> (дата обращения 25.06.21).